

Размышление над книгой
Essay Review

DOI: 10.31857/S020596060009442-8

**ИСТОРИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГЕНЕТИКИ В ЗЕРКАЛЕ
ЮБИЛЕЙНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ**

КОЛЧИНСКИЙ Эдуард Израилевич – Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН; Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 5; E-mail: ekolchinsky@yandex.ru

В 1999 г. П. Абир-Ам, редактор-составитель номера журнала «Осайрис» (*Osiris*), посвященного коммеморативным практикам в науке, отметила, что они приобретают черты глобальной юбилейной мании, захватывающей не только ученых, но и властные и общественные структуры разных стран, средства массовой информации, учреждения культуры и образования, туризм и т. д. Ученые проводят юбилеи, так как считают, что они помогают осмыслить достижения, утвердить собственные идеи, оценить ключевые фигуры в истории науки, наметить перспективы для решения актуальных проблем, лоббировать интересы научного сообщества, укрепить групповую солидарность и международные связи.

В нашей стране с организацией научных юбилеев в последние три десятилетия ситуация обстоит гораздо хуже. Ученым практически невозможно добиться для их проведения прямого государственного финансирования, а фонды все реже поддерживают коммеморативные проекты, зная, что для правительственных ведомств они перестали быть предметом национального престижа, в отличие от разного рода спартакиад, олимпиад, мундиалей, фестивалей, конкурсов и т. д. Значительная часть общества вообще не видит смысла в поддержке национальной науки и интересуется в основном разного рода псевдонаучными концептами. Сами ученые озабочены больше выживанием, чем воздаянием должного великим предшественникам и размышлением о собственной преемственности от них. Тем не менее есть и исключения. Российские генетики, помня о трагической судьбе своей дисциплины, стараются не забывать тех, кто вопреки неблагоприятной социокультурной среде не только обеспечил поступательное развитие отечественной биологии, но и внес существенный вклад в познание законов наследственности. И в относительно недавнем прошлом, в XX в., их было немало.

Отечественные генетики из школ Н. И. Вавилова, Н. К. Кольцова, А. С. Серебровского, Ю. А. Филипченко, С. С. Четверикова занимали видное положение в мировом научном сообществе, конкурируя на равных со своими зарубежными, в основном англоязычными коллегами.

Многие из них упомянуты в трех книгах, приуроченных к знаменательным датам в истории Санкт-Петербургской генетики: к 130-летию со дня рождения Николая Ивановича Вавилова ¹ и к 100-летию со дня основания кафедры генетики и биотехнологий Санкт-Петербургского государственного университета ². Эти книги увидели свет практически одновременно 22 июня 2019 г. на круглом столе «История генетики» в рамках Международного конгресса «VII съезд Вавиловского общества генетиков и селекционеров, посвященный 100-летию кафедры генетики СПбГУ, и ассоциированные симпозиумы» ³. Благодаря им объемнее вырисовывается панорама современных историко-генетических исследований, проанализированных нами недавно в свете других юбилейных событий ⁴.

Все три книги посвящены Санкт-Петербургской генетической школе, основу которой составляли ученики и соратники Вавилова и Филипченко, и объединены тематикой и главными героями — речь идет прежде всего о Вавилове и его ближайших сподвижниках — Л. И. Говорове, Г. Д. Карпеченко и Г. А. Левитском. Объединяет их и некая общность в подаче материала — сплетение воедино литературных сведений, архивных материалов и личных воспоминаний, а также искренность авторов и глубокая погруженность в излагаемые ими события. Две из этих книг уже были рассмотрены в специальной рецензии ⁵, тем не менее мне представляется важным еще раз на них кратко остановиться, так как все три книги представляются мне единым целым.

¹ Соратники Николая Ивановича Вавилова: исследователи генофонда растений. 2-е изд., знач. перераб. и доп. / Сост. И. В. Котёлкина. СПб.: ВИР, 2017.

² Фокин С. И., Захаров-Гезехус И. А. Юрий Александрович Филипченко и его окружение. К 100-летию основания кафедры генетики в Петроградском университете. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2019; Генетика вчера и сегодня. К 100-летию кафедры генетики и биотехнологий / Отв. ред. С. Г. Инге-Вечтомов, ред. Е. В. Голубкова, А. А. Нижников. СПб.: Эко-Вектор Ай-Пи, 2019.

³ Сигнальный экземпляр «Соратники Николая Ивановича Вавилова: исследователи генофонда растений» был продемонстрирован в ноябре 2017 г. на секции «Научная школа Н. И. Вавилова — соратники и последователи» в рамках конференции, посвященной 130-летию Н. И. Вавилова. В законченном виде ее демонстрировали вместе с приложением: Соратники Николая Ивановича Вавилова: исследователи генофонда растений. Приложение / Сост. И. В. Котёлкина, с послесл. М. А. Вишняковой. Приложение. СПб.: ВИР, 2017.

⁴ Колчинский Э. И. Пятьдесят лет спустя: размышления над книгами, изданными к 130-летию со дня рождения Н. И. Вавилова и накануне 70-летия августовской сессии ВАСХНИЛ // ВИЕТ. 2018. № 3. С. 559–591.

⁵ Колчинский Э. И. К столетию кафедры генетики и биотехнологий Санкт-Петербургского государственного университета: два юбилейных издания // Историко-биологические исследования (Studies in the History of Biology). 2019. Т. 11. № 3. С. 95–101.

Одна из них, датированная 2017 г., позиционируется как новое издание справочника «Соратники Николая Ивановича Вавилова» с подзаголовком «Исследователи генофонда растений». Первое его издание вышло четверть века тому назад⁶. Тогда оно было приурочено к 100-летию основания Бюро по прикладной ботанике, на базе которого Вавилов в 1925 г. создал Институт прикладной ботаники и новых культур. Преобразованное позднее во Всесоюзный институт растениеводства (ВИР), это научное учреждение получило мировую известность благодаря всестороннему изучению коллекции семян культурных и диких растений, собранных Вавиловым и его сподвижниками в многочисленных экспедициях на пяти континентах в более чем пятидесяти странах. Именно эта коллекция дала старт зеленой революции, которая стала возможной благодаря тому, что Вавилов организовал комплексное изучение генофонда сотен тысяч культурных растений и диких форм, вовлекаемых в селекцию. Ему удалось создать уникальный ансамбль единомышленников из разных стран и учреждений СССР, в рамках которого над проектом выведения высокоурожайных сортов работали сотни ведущих специалистов из различных отраслей ботаники. Вместе с генетиками здесь трудились экологи, биогеографы, геоботаники, физиологи и биохимики растений, цитологи, эволюционисты и многие другие. Их судьбы сложились не просто — многие из них были репрессированы. Другие оказались изгнанными из ВИРа после ареста Вавилова в августе 1940 г. Но они никогда не отрекались ни от Вавилова, ни от главной цели его жизни — накормить человечество, — ни от созданных им концепций.

Именно им и было посвящено первое издание книги, которую готовили сотрудники ВИРа в начале 1990-х гг. под руководством Даниила Владимировича Лебедева — выдающегося библиографа, историка науки и «великого антилысенковца», как его называли современники. Будучи учеником Карпеченко — ближайшего соратника Вавилова, — Лебедев никогда не мог смириться с убийством своих учителей. В мае 1941 г. его за «недоверие к органам НКВД» исключили из комсомола, отчислили из аспирантуры ЛГУ, и только разразившаяся Великая Отечественная война, которую Лебедев начал под Ленинградом командиром взвода, а закончил на Дальнем Востоке в должности командира полка, спасла его от неминуемого ареста. Вернувшись с фронта, Лебедев включился в борьбу с лысенкоистами, а после смерти И. В. Сталина сыграл ключевую роль в опровержении мичуринской биологии и разоблачении ее мнимых достижений, способствовал реабилитации Вавилова, Карпеченко, Левитского, Говорова, К. А. Фляксбергера, а также общественному осуждению всех причастных к их гибели и к гонениям на их учеников и последователей, в том числе в стенах ВИРа.

⁶ Соратники Николая Ивановича Вавилова...

Восстановлению правды о подвергшихся гонениям растениеводах, посвятивших всю жизнь реализации идей Вавилова и оставшихся верными ему и науке, и было посвящено первое издание книги. Именно их Лебедев предложил называть соратниками Н. И. Вавилова, с чем полностью были согласны остальные соавторы той книги, многих из которых уже нет в живых. Ответственным редактором издания тогда стал бывший директор ВИРа, ныне академик РАН В. А. Драгавцев, работающий сейчас в Агрофизическом институте. В работе над ней активно участвовали заведующий отделом ВИРа, заслуженный деятель науки РСФСР В. Л. Витковский, заведующая архивом ВИРа Т. К. Лассан, сотрудники редакционного сектора ВИРа.

Книга готовилась в обстановке эмоционального подъема сотрудников ВИРа, получивших возможность после многих десятилетий молчания и цензурных ограничений рассказать правду о заслуженных вировцах и пережитых институтом трагедиях. И правда оказалась ужасной. В ВИРе было на порядок больше расстрелянных или погибших в заключении биологов (более 20 человек), чем во всем Третьем рейхе (только 2).

Десятками исчислялись подвергшиеся арестам и административным гонениям. В истории мировой науки ни одно научное учреждение не подвергалось столь тотальному уничтожению. В то издание вошли очерки о 77 ученых ВИРа, авторами которых в основном были вировцы (Л. И. Абрамова, М. Г. Агаев, С. Н. Бахарева, Л. Е. Горбатенко, А. Я. Камераз, В. В. Кормановская, Г. И. Москалева, Т. Н. Лассан, П. П. Кошелев, В. В. Светозарова, Е. А. Соколова, Ю. Д. Сосков, Т. Н. Ульянова, Т. Б. Фурса, Л. М. Юлдашева и др.), которые лично знали своих героев, а нередко еще и самого Вавилова.

Предисловие к книге, написанное Лебедевым, воспроизведено в новом издании. В нем четко определены цели первого издания и то, кого создатели сборника считали соратниками Вавилова, достойными стать героями очерков. Ставилась задача дать портреты основных представителей «вавилонской гвардии» в ВИРе, занимавшихся вместе с ним проблемой генофонда культурных растений и их дикорастущих сородичей во всех ее аспектах — теоретических и практических. К ним были отнесены ученые разных поколений, выходцы из различных социальных слоев, воспитанники разных учебных заведений, независимо от того, пришли ли они в ВИР уже состоявшимися учеными или стали таковыми здесь под непосредственным воздействием Вавилова. Но всех их объединяла преданность Вавилу. Такой подход дал возможность отразить многообразие путей формирования столь уникального в науке коллектива единомышленников.

Одни из них — С. М. Букасов, В. А. Кузнецов, А. И. Мальцев, Фляксбергер — работали в Бюро по прикладной ботаники еще до того, как Вавилов стал их начальником, и не сразу безоговорочно приняли его программу. Другие, ядро которых составляли ученицы Вавилова по Саратовскому сельскохозяйственному институту — Е. И. Барулина,

А. И. Мордвинкина, Е. А. Столетова и др., — изначально были беспредельно преданы своему учителю. Третьи пополнили ряды соратников Вавилова, будучи уже признанными специалистами в своих отраслях фундаментальной и прикладной ботаники — Р. И. Аболин, В. Г. Александров, Е. В. Вульф, Л. И. Говоров, П. М. Жуковский, Н. Н. Иванов, Карпеченко, Н. Н. Кулешов, Г. А. Левитский, Н. А. Максимов, В. В. Пашкевич, В. Е. Писарев, М. Г. Попов, Е. Н. Синская, М. А. Розанова. Каждый из них внес свой уникальный вклад в разработку и реализацию программы комплексного изучения растений с целью мобилизации их ресурсов на нужды человечества. Но большую часть героев очерков первого издания составили вавиловцы, пришедшие в ВИР вскоре после окончания вуза (в том числе и прямые ученики Вавилова по Ленинградскому сельскохозяйственному институту) и ставшие здесь знатоками отдельных культур. Это Ф. Х. Бахтеев, В. Б. Енкен, Н. Р. Иванов, А. Я. Камераз, М. И. Княгиничев, И. В. Кожухов, К. Ф. Костина, А. И. Купцов, В. С. Лехнович, Т. В. Лизгунова, А. Н. Лутков, М. П. Петров, В. В. Суворов, Г. Г. Тарасенко, М. И. Хаджинов, Е. С. Якушевский и мн. др.

Благодаря четко продуманному плану, понятным критериям отбора героев и единой редакции книга отличалась единством жанра и стиля, став классикой в области истории генетики в целом и вавиловедения в частности. Ее составители и авторы показали, что реальный образ ученого нельзя воссоздать вне созданной им школы и сообщества тех, кто трудился вместе с ним, осуществляя его замыслы, развивая и конкретизируя выдвинутые им идеи. Немаловажно было и то, что в научной карьере почти всех, кого составители причислили к соратникам Вавилова, во всей полноте отразилась трагическая судьба учителя.

Помимо интереса к изучению генофонда растений в рамках вавиловской программы соратников Вавилова объединяла еще одна общая черта, как подчеркивал Лебедев, — наличие «гена порядочности», определившего не только их преданность избранному делу, но и искренность, и честность в разыгравшихся тогда трагедиях. Большинство соратников Вавилова, вынужденные по той или иной причине покинуть ВИР, оставались верными ему и несли его идеи в другие учреждения и коллективы. Части из них довелось пройти через серьезные испытания, но, даже отказавшись на словах от своих убеждений, они остались соратниками Вавилова, сделав впоследствии много для реабилитации его самого и других невинно репрессированных сотрудников ВИРа. Но так вели себя далеко не все бывшие ученики и сотрудники Вавилова, многие по собственной воле отреклись от программы учителя задолго до того, как начались репрессии и административные гонения, и с энтузиазмом приняли участие в его критике, а позднее в гонениях на его соратников. Об одном из них Лебедев сказал кратко, без упоминания фамилии, но однозначно: «...и начался разгром»

“Вавилона”. Новый директор и его помощники занялись “чисткой” института. Перестраивалась его структура, увольнялись сотрудники»⁷.

Подобным перевертышам не нашлось места в первом издании книги, которое готовилось в годы доминирования в литературе концепции «героев и злодеев российской науки», символом чего стала книга С. Э. Шноля⁸. Имена Лысенко и его сподвижников были тогда нарицательными. Никому не могло прийти в голову, что кого-либо из них можно причислить к соратникам Вавилова. С тех пор ситуация в русскоязычном пространстве существенно изменилась. К удивлению мирового сообщества в современной России оживились попытки реабилитировать самого Лысенко, оправдать лысенкоизм и борьбу лысенкоистов против Вавилова и его школы с позиций мичуринской биологии, которую пытаются представить некой альтернативной научной концепцией, равной по значимости классической генетике⁹.

Частично приоткрывшиеся с тех пор архивы позволили узнать, что далеко не все соратники Вавилова, включая самых близких ему людей (например В. Е. Писарева, В. В. Таланова и др.), выдержали допросы в ОГПУ; уже в начале 1930-х гг. некоторые из них дали «показания» о его «вредительской антисоветской деятельности»¹⁰. Изуверские методы заставят позднее признать «вину» и самого Вавилова¹¹. И хотя и без этого самооговора участь его была предрешена, это дало повод вновь явленным апологетам Лысенко заговорить об оправданности его борьбы с генетиками как вредителями и о научных заслугах самих лысенкоистов.

Изменения в поле историко-научных дискуссий вокруг «дела Лысенко — Вавилова» и его десакрализация отразились на задачах и целях второго издания книги. Но его авторы и члены редколлегии в составе Н. И. Дзюбенко, Е. И. Гаевской, М. А. Вишняковой, И. Г. Лоскутова, С. Н. Кутузовой, Л. Ю. Шипилиной, И. В. Котёлкиной, Соколовой явно не смогли выработать общие критерии в отборе дополнительных героев. Об этом открыто сказано в предисловии к книге¹². В послесловии добавлено, что во время презентации сигнального экземпляра нового издания известный биограф Вавилова С. Е. Резник инициировал оживленную дискуссию «об истинных последователях великого ученого и о людях, вложивших свои “тридцать

⁷ Там же. С. 11.

⁸ Шноль С. Э. Герои и злодеи российской науки. М.: Крон-Пресс, 1997.

⁹ *Graham, L. Lysenko's Ghost. Epigenetics and Russia.* Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 2016. 209 p.; *Kolchinsky, E. I., Kutschera, U., Hossfeld, U., Levit, G. S. Russia's New Lysenkoism // Current Biology.* 2017. Vol. 27. No. 19. P. R1037–R1059.

¹⁰ Резник С. Е. Это коротка жизнь. Николай Вавилов и его время. М.: Захаров, 2017. С. 659.

¹¹ Суд палача. Николай Вавилов в застенках НКВД: биографический очерк. Документы / Сост. Я. Г. Рокитянский, Ю. Н. Вавилов, В. А. Гончаров. М.: Academia, 1999.

¹² От редакции // Соратники Николая Ивановича Вавилова... 2017. С. 7.

сребреников” в его поприще»¹³. Эта дискуссия возродили споры в самой редколлегии о том, кого относить к соратникам Вавилова. Ставился вопрос об изъятии статей о бывших директорах ВИРа А. И. Сизове и И. Г. Эйхфельде.

В редколлегии нет ни председателя, ни секретаря. Возможно, никто не взял на себя ответственность за сохранение этих статей, сильно изменивших лицо прежнего издания. Прежние трактовки соратников как надежных товарищей по борьбе с лысенкоизмом и совместной деятельности в ВИРе сменились на понимание их как аморфных соучастников в изучении генофонда растений, причем не обязательно в ВИРе. Но и выбранная редакцией якобы более аморфная трактовка слова «соратник» как «единомышленник, сподвижник, товарищ по работе, союзник» по отношению к ряду лиц, включенных к новое издание, вряд ли подходит.

Странно видеть причисленными к ним Сизова и Эйхфельда, которые еще до установления диктатуры Лысенко в сельскохозяйственных науках и биологии зарекомендовали себя как его верные сторонники. Они никак не могут быть отнесены к числу единомышленников и союзников Вавилова. Спорным выглядит отнесение к соратникам Вавилова и в измененном значении «тех ученых, которые работали с ним, внесли немалый вклад в изучение и использование коллекции ВИРа на благо страны и ничем не запятнали его имени в период лысенковщины»¹⁴. Их вклад в использование коллекции ВИРа на благо Родины вряд ли стоит обсуждать в этой книге, посвященной Вавилу, а вот об их отношении к наследию Вавилова и его учеников в самой книге приведены суждения достаточно неоднозначные.

В статье о Сизове ничего не сказано о том, когда и как произошел его переход из верных учеников Вавилова в сторонники Лысенко, за какие научные заслуги он был назначен заместителем директора ВИРа и как он использовал свою должность для сохранения научного наследия Вавилова. А ведь на это счет в литературе существует однозначное мнение¹⁵. Ведь Сизов вместе с Ф. К. Тетеревым и Г. Н. Шлыковым как члены Комиссии по проверке ВИРа, возглавляемой Эйхфельдом, присутствовали на заседании Президиума ВАСХНИЛ 25 ноября 1940 г. В принятом по их докладу постановлении говорилось, что ВИР с поставленными задачами не справился, а собранная под руководством Вавилова коллекция культурных растений не позволяет определить научную и практическую ценность каждого ее образца¹⁶. Было решено коренным образом трансформировать

¹³ Вишнякова М. А. Послесловие // Соратники Николая Ивановича Вавилова: исследователи генофонда растений. Приложение... С. 37.

¹⁴ Там же С. 7.

¹⁵ Поповский М. Дело академика Н. И. Вавилова. М.: Книга, 1991. С. 209; Сойфер В. Н. Власть и наука. История разгрома генетики в СССР. М.: Лазурь, 1993. С. 329.

¹⁶ Сойфер. Власть и наука... С. 329.

структуру ВИРа, которая и была с энтузиазмом осуществлена его новым руководством.

После реабилитации Вавилова многие его заклятые враги причисляли себя к числу вавиловских учеников. В этом списке вновь обретенных соратников Вавилова особенно странно выглядит Эйхфельд. Ведь именно он был назначен Лысенко директором ВИРа после ареста Вавилова и полностью ответственен за все происшедшее и с институтом, и с его сотрудниками в 1940–1950-е гг. В начале научной карьеры Эйхфельд действительно был соратником Вавилова и под его руководством добился успехов в создании скороспелых овощных и кормовых сортов, районированных на Севере. Но, осознав изменение конъюнктуры, он уже с середины 1930-х гг. уверял, что его успехи связаны с использованием лысенковских представлений «о направленной изменчивости наследственности», «об обратимости процессов яровизации и закаливания организмов»¹⁷. Возглавив ВИР, Эйхфельд коренным образом пересмотрел структуру института и никогда не называл Вавилова создателем коллекции семян, уверяя, напротив, что ее значение возросло именно «в свете мичуринского учения»¹⁸. Помимо арестованных в 1940–1941 гг. сотрудников ВИРа (Говорова, Карпеченко, Н. В. Ковалева, Левитского, А. И. Мальцева, Суворова, Фляксбергера) из ВИРа при Эйхфельде были уволены, откомандированы в распоряжение Наркомзема или ушли сами из-за сложившейся морально-психологической обстановки практически все подлинные соратники Вавилова: Н. А. Базилевская, Бахтеев, Вульф, К. В. Иванова, Кожухов, Лехнович, Лутков, И. И. Туманов, Синская, О. Н. Сорокина, Столетова, Суворов, Хаджинов, А. Г. Хинчук, А. И. Филлов, Якушевский и др. И здесь никакие ссылки на время и правоохранительные органы неуместны. Они ушли из-за того, что были неуютны новой администрации.

В многочисленных воспоминаниях и историко-научных сочинениях Бахтеева, В. Д. Есакова, Д. В. Лебедева, Ж. А. Медведева, М. А. Поповского, В. Н. Сойфера и др. Эйхфельд однозначно трактуется как представитель «пятой колонны» в ВИРе, выполняющий задачу его разрушения, а его научные заслуги оцениваются невысоко. Да и в новом издании «Соратников Н. И. Вавилова» многократно отмечается, что Эйхфельд, занявший пост директора ВИРа в 1940 г., коренным образом трансформировал структуру института и уволил или принудил уйти из него наиболее верных соратников и учеников Вавилова¹⁹. Вот как об этом сказано в очерке о Суворове:

¹⁷ О положении в биологической науке: стенографический отчет сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина 31 июля – 7 августа 1948 г. М.: Огиз – Сельхозгиз. С. 55.

¹⁸ Там же. С. 54–55.

¹⁹ Соратники Николая Ивановича Вавилова... С. 31, 44, 99, 187, 307, 456, 464, 486, 500, 523, 541, 546, 568, 580 и др.

Новый директор И. Г. Эйхфельд одним приказом в 1940 г. уволил из института многих сотрудников и учеников Н. И. Вавилова, в том числе и В. В. Суворова. Грустные дни переживали тогда ученики Н. И. Вавилова, изгнанные из ВИР. Ведь и И. Г. Эйхфельд был одним из них... Стыдно было за этого человека, который предал своего учителя и принял участие в разгроме вавиловского ВИР²⁰.

В то же время в очерке, посвященном самому Эйхфельду, сказано:

Мало известно, какие первые шаги были предприняты новым директором, больше известно, в каком поверженном, осиротелом состоянии коллектив ВИР тогда пребывал. Сведения о каких-то чистках в институте не совсем достоверны, некоторые сотрудники покинули его сами под тяжелым впечатлением и влиянием происшедшего. Скорее всего, особо проявить себя на этой должности И. Г. Эйхфельд не успел²¹.

По приведенному выше списку уволенных и арестованных видно, что проявить себя Эйхфельд на посту директора как раз успел, причем за несколько месяцев. Скорее, война с ее жесткими требованиями к профессионализму помешала развернуться в полную силу, да и ему самому стала понятной бесперспективность выбранного курса, ибо именно преданные вавиловцы оказались лучшими знатоками генофонда растений, без чего никакая селекционная работа была невозможна. Да и надо было спасать на глазах гибнущую коллекцию, попавшую в руки невежд. Пришлось некоторых уволенных срочно возвращать.

Но страсть к погромам у Эйхфельда не исчезла. Уже на августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. он не только рекламировал достижения мичуринской биологии, но и требовал коренной перестройки работы институтов и лабораторий АН СССР и увольнения ученых, которые ведут исследования, «не будучи прямо связанными с производством», но контролируют «подавляющее большинство кафедр биологических факультетов университетов, многих сельскохозяйственных, педагогических и медицинских институтов»²². Видимо, за последовательную борьбу против вавиловского наследия Эйхфельд был направлен в Прибалтику в 1950 г., где возглавил АН ЭССР; там как раз была начата кампании по избиению местных кадров интеллигенции. В 1968 г. он был избран на пост председателя Президиума Верховного совета ЭССР.

Но на этих постах он ничего не сделал для реабилитации Вавилова и пропаганды его научного наследия, которую активно вел в те годы Ботанический институт АН СССР и его директор П. А. Баранов. В 1955 г. из всего ВИРа только Н. Р. Иванов подписал «Письмо трехсот» в Президиум ЦК КПСС, а тогдашний директор ВИРа Жуковский

²⁰ Там же. С. 502.

²¹ Там же. С. 565.

²² О положении в биологической науке... С. 52.

приложил особое мнение к этому письму²³. Это хорошо показывает, как относились в ВИРе к научному наследию Вавилова после правления там Эйхфельда.

При столь широкой трактовке понятия «соратник Н. Н. Вавилова» странно, что в их числе нет А. Г. Коля, Тетерева, Шлыкова, С. Н. Шунденко и др., занимавшихся травлей Вавилова в течение ряда лет. Тем более что некоторые из них потом так себя и позиционировали, да еще выдавали себя за жертв репрессий. Да и Лысенко был бы уместен среди них, он также трудился вместе с Вавиловым «на благо страны». Вполне можно было сюда включить И. И. Презента и его жену Б. Г. Поташникову, которые тесно сотрудничали с Вавиловым в начале 1930-х гг., а последняя даже возглавляла кафедру генетики растений ЛГУ после ареста Карпеченко²⁴. Ну чем не соратник. А насчет того, запятнал ли Лысенко или кто-то из его подручных себя в борьбе с Вавиловым или нет, существуют разные мнения. Ведь сам Лысенко не раз публично уверял: «Я не убивал Вавилова». Что он имел в виду, кто его знает. Наверняка, яду не давал и в затылок не стрелял. А вот во вредительстве в присутствии И. В. Сталина, Л. М. Кагановича и других партийных лидеров Лысенко Вавилова, Карпеченко и других генетиков обвинял не раз. Для авторов и составителей первого издания, бывших свидетелями деятельности Эйхфельда и Сизова, помещение очерков о них в данном издании выглядело бы равносильно тому, чтобы к соратникам Иисуса Христа отнести Иуду. В предисловии, как уже отмечалось, глухо сказано, что вокруг этих фигур шли ожесточенные споры и очерки о них в сборнике — результат компромисса²⁵. Но остается неясным, во имя чего и с кем был компромисс и насколько компромисс уместен в науке при игнорировании фактов, архивных документов, свидетельств современников и огромной литературы.

Отсутствие составителя и ответственного редактора привело к отсутствию единства в оценках в пределах издания, претендующего на энциклопедичность, в котором недопустимы противоположные суждения об одном и том же герое. История — точная наука, так как имеет дело с событиями, которые состоялись в определенном пространстве и в точно указанное время. И столь противоречащие друг другу суждения об одном и том же человеке в рамках единой книги обязательно нужно было хоть как-то прокомментировать составителям и редакторам с соответствующими ссылками на архивные материалы и литературу.

Но этого не было сделано, видимо, не случайно. Хотя чуть больше половины очерков нового издания (77 из 152) вошли без изменения или с дополнениями из предыдущего, мы, по существу, имеем другую

²³ Соратники Николая Ивановича Вавилова... С. 181.

²⁴ *Колчинский Э. И.* Кирилл Михайлович Завадский. 1910–1977. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 63, 76.

²⁵ Соратники Николая Ивановича Вавилова... С. 7.

книгу по замыслу и исполнению. Если в предыдущее издание, приуроченное к 100-летию ВИРа, вошли очерки только о «вавилонской гвардии», работавшей в этом институте, то в новое издание включено немало очерков об ученых, официально не связанных с ВИРом, но сотрудничавших с Вавиловым в рамках других учреждений, прежде всего в созданном им Институте генетики АН СССР. Это, конечно, существенно дополняет знания о круге научных и социальных связей ученого, выводя их непосредственно из стен созданного им института. В этом отношении особенно интересны новые очерки о крупных отечественных и зарубежных ученых, с которыми Вавилов сотрудничал до создания ВИРа или за его пределами. Среди них менеджер Д. Н. Бородин, метеоролог П. И. Броунов, физиолог и анатом растений В. Р. Заленский, генетики и селекционеры Д. Костов и А. А. Сапегин, специалисты в области семеноводства и селекционеры Г. К. Мейстер, Таланов, генетик, будущий лауреат Нобелевской премии Г. Дж. Мёллер, агроном и почвовед Н. М. Тулайков и др. Каждый из них сыграл важную роль в судьбе Вавилова. Эти очерки в основном написаны генетиками и профессиональными историками (Т. А. Авруцкая, Н. П. Гончаров, И. А. Захаров-Гезехус, Т. А. Курсанова и др.), не работающими в ВИРе, и сами по себе представляют несомненный вклад в вавиловедение. Вместе тем остается неясно, почему при этом забыты В. И. Вернадский и Д. Н. Прянишников, а тем более десятки крупных селекционеров и семеноводов (например П. Н. Константинов и П. И. Лисицын), которые также разделяли взгляды Вавилова, по мере сил и возможностей способствовали их реализации и стояли с ним до конца в борьбе с лысенковщиной.

Видимо, это связано с тем, что авторы не желали всерьез выходить за круг вировцев, которые лишь частично разбавлены героями со стороны. Но тогда почему пропущены Д. Д. Арцыбашев, И. П. Бородин, В. Н. Любименко, Р. Э. Регель и многие другие ботаники, чьи заслуги в изучении генофонда культурных растений ничуть не меньше, чем, например, Мёллера. К тому же они также могут быть условно причислены к вировцам, так как причастны к учреждениям, на базе которых ВИР возник. В книге нет очерков о Филипченко и М. С. Навашине, которые работали в тесном сотрудничестве с Вавиловым в течение многих лет и вклад которых в познание генофонда растений был явно значительнее, чем опять же у Мёллера. Почему нет И. В. Мичурина и десятков других народных селекционеров, с которыми сотрудничал Вавилов?

Забыт и другой именитый ученик Вавилова, знаменитый селекционер П. П. Лукьяненко. Неурожай и голод 1932–1933 гг. на Кубани побудили его начать обширные скрещивания на базе сортов из коллекции Вавилова с последующей жесткой селекцией гибридов. Работая вдалеке от Ленинграда и Москвы, он не был вовлечен в конфликт вавиловцев и лысенкоистов и продолжил реализацию своей селекционной программы несмотря на разгром ВИРа. Лукьяненко спокойно

работал над совершенствованием полученных гибридов, создав, в конечном счете, сорт озимой пшеницы Безостая-1, обладавший коротким стеблем, устойчивостью к ржавчине и высокой урожайностью, уверяя при этом, что работал на базе мичуринской агробиологии²⁶. Опыт Лукьяненко свидетельствует о том, что крупные селекционеры продолжали реализовывать научное наследие Вавилова, мимикрируя под лысенкоизм, но без гонений на генетику.

Добавив перечисленные биографии крупных ученых, составители второго издания смогли бы отчетливее показать, как Вавилову удавалось своими идеями увлечь не только начинающих исследователей, но и первоклассных ученых разных специальностей и убеждений, направляя их деятельность как «один мощный кулак». Известно, как трудно создать продуктивный ансамбль из нескольких талантливых ученых, всегда склонных к индивидуализму. Вавилов объединил одной программой лидеров десятков научных направлений в биологии, селекции и семеноводстве. Например, в Московский отдел Института прикладной ботаники и новых культур вошла семеноводческая сеть (Госсемкультура) во главе с Талановым, что позволило на практике реализовать стандартизованную схему ступенчатого размножения селекционных сортов и введения их в практику.

Но все же подавляющее большинство из 74 статей, напечатанных впервые в новом издании, посвящены сотрудникам ВИРа, отражая многообразие их деятельности по реализации вавиловской программы не только в трудах его гвардии, но и в исследованиях сотрудников с меньшей идейной близостью к нему и разным уровнем их научных заслуг. Очень важно, что в книгу вошли небольшие очерки о сотрудниках, чьи достижения малоизвестны, но они заслуживают того, чтобы о них знали и помнили последующие поколения. Вместе со знаменитыми вавиловцами им довелось пережить непростую судьбу ВИРа. Среди них физиолог-экспериментатор А. Е. Вотчал, которого вместе с женой Татьяной Алексеевной в начале войны уволили из института по сокращению штатов и которых немцы убили в 1942 г. в оккупированном Пушкине. Г. П. Викторовский проработал в ВИРе менее 10 лет, принял участие в ряде экспедиций, опубликовал несколько статей по плодовым Средней Азии и уволился в январе 1937 г. Уникальна судьба Е. И. Николаенко, которая, оказавшись с двумя детьми на оккупированной территории, пошла на сотрудничество с немцами, чтобы сохранить для ВИРа дубликаты коллекций зерновых, отправляемых в Германию. И это ей удалось, но в 1945 г. по оговору сотрудников Тирайненской опытной станции ее арестовали, а сбереженную ею коллекцию семян при аресте рассыпали.

²⁶ *Tauger, M. B. Pavel Pantelimonovich Luk'ianenko and the Origins of the Soviet Green Revolution // The Lysenko Controversy as a Global Phenomenon / W. DeJong-Lambert, N. L. Kremontsov (eds.). Cham: Palgrave Macmillan, 2017. Vol. 2: Genetics and Agriculture in the Soviet Union and Beyond. P. 97–127.*

Аналогичные истории содержатся практически во всех новых очерках, герои которых, как и представители вавилонской гвардии, прошли через невзгоды, связанные с войной, блокадой, арестами и ссылками коллег, родных и близких. О. А. Воскресенская вместе с А. Я. Камеразом спасла посевы сортового картофеля во время бомбежек на полях ВИРа в Пушкине в сентябре 1941 г., а затем вместе со своим мужем Лехновичем берегла уникальную коллекцию во время блокады Ленинграда. В. А. Королева-Павлова, также под бомбами немецких самолетов, собрала семена кок-сагыза. Героизм сотрудников ВИРа в годы войны вряд ли имеет аналоги в мире. Десятки хранителей коллекций съедобных семян умерли от голода в блокадном Ленинграде или сразу после эвакуации, в их числе П. Н. Богушевский, С. Г. Габеев, Г. В. Гейнц, И. В. Кичунов, В. А. Мальчевский, Г. А. Рубцов, Н. А. Шамшина, С. А. Шавинская и др. О том, как сохранялась коллекция, говорится также в очерках о Н. Р. Иванове, Г. М. Коваленко, В. С. Муратовой, П. Г. Чеснокове, М. М. Якубцинере.

Немало пришлось пережить и другим сотрудникам ВИРа. И. В. Красовская – знаток засухоустойчивости яровых – вместе с Т. А. Красносельской-Максимовой помогала Вавилону переводить труды Ч. Дарвина, но пожертвовала научной работой, последовав в ссылку вслед за своим супругом, высланным из Ленинграда в «кировском потоке». В Саратов, где еще раньше оказался ее бывший супруг, знаменитый физиолог растений, член-корреспондент АН СССР Максимов, была выслана и Т. А. Красносельская. Энциклопедист, ботаник, этнограф и археолог Д. Д. Букинич покончил жизнь самоубийством, чтобы избежать ареста и допросов.

Тема репрессий вавилонцев, казалось, хорошо изучена. Но остается еще немало белых пятен. Судьба многих неизвестна до сих пор, хотя циркулируют слухи об их арестах и гибели в заключении (тут можно вспомнить, например, о талантливом агрономе и селекционере Ф. Я. Блинове). В опубликованных впервые очерках немало новых фамилий людей, ставших жертвами произвола властей, науськиваемых нередко научными конкурентами. Практически по любой биографии видно, что с начала 1930-х гг. Вавилов и его соратники в ВИРе работали в условиях смертельного хоровода, где в мгновение ока возникали и исчезали крупные администраторы, ответственные за сельское хозяйство, и сотни выдающихся отечественных ученых, связанных с ними. Отсталое сельское хозяйство России, добитое коллективизацией, перманентно находилось в кризисе и не могло спасти миллионы жертв постоянных неурожаев. Вину за это власть возлагала на ученых.

Весной 1933 г. была арестована большая группа ближайших соратников Вавилова, в том числе Н. П. Авдулов, Г. А. Балабаев, П. П. Зворыкин, В. В. Куколь-Яснопольский, Н. Н. Кулешов, Н. П. Голубев, С. И. Королев, А. Д. Лебедев, Левитский, Максимов, В. В. Маркович, Я. Г. Момот, И. В. Обод, А. А. Орлов, Писарев, Попов, Таланов, К. М. Чинго-Чингас, С. Ю. Шиманович, Е. К. Эмме и др.,

обвиненных в участии в «Трудовой крестьянской партии». Все они были приговорены к нескольким годам заключения в концлагере или к ссылке²⁷. Лишь Левитский вернулся на работу в ВИР.

В годы Большого террора были расстреляны или погибли в заключении Аболин, Абдулов, В. И. Мацкевич. Повторно были арестованы Чинго-Чингас, Эмме, Куколь-Яснопольский, Орлов, Обод (трое последних были приговорены к высшей мере наказания), Г. А. Балабаев умер в лагере, Эмме покончила жизнь самоубийством в тюрьме. В августе 1940 г. начался разгром «Вавилона». Сперва арестовали самого Вавилова, а затем Карпеченко, Говорова, Ковалева, Левитского, Мальцева и Фляксбергера. Только Ковалев и Мальцев выжили и вернулись на свободу.

Повествуя об этих трагических событиях, авторы никого не обвиняют и не разоблачают, в том числе и тех, кто благодаря Вавилкову сделал карьеру, а потом оговорил его на допросах или согласился стать осведомителем. Уже во время первых репрессий, обрушившихся на ВИР в начале 1930-х гг., методы допросов были столь ужасны, что арестованные не выдерживали и становились на путь оговора коллег и сотрудничества с карательными органами. В этих условиях Вавилков, которого карательные органы уже в начале 1930-х гг. назначили на роль лидера «Трудовой крестьянской партии» и выбивали соответствующие показания из его арестованных коллег, с риском для себя продолжал ходатайствовать о них, стараясь смягчить их участь, а порой и спасти жизнь. Только оказавшись в застенках, он узнал, что многие уже давно дали показания о его «вредительской антисоветской деятельности». Но авторы очерков предпочли не приводить эти подробности, порой подправляя историю, ретуширование которой чревато рецидивами в будущем.

Героями новых очерков стали ученые с разными научными заслугами, нравственным сознанием, служебным положением, а также различной степени близости к Вавилкову. Рефреном через многие очерки проходит мысль: мы судить не можем, люди приспособлялись не только для того, чтобы выжить, но и чтобы спасти родных и близких, свою лабораторию и т. д. Это все правда. Но все же нельзя забывать, что каждый вел себя по-разному после ареста Вавилова и его ближайших соратников. И классическую фразу Евгения Шварца о «первом ученике» не следует забывать, как не следует забывать и героизм тех, кто вопреки всему пытался спасти Вавилова и его дело. Таких было немного, но они были, как немного было и тех, кто

²⁷ Следует отметить, что ничего подобного не было в Третьем рейхе. Из 337 биологов – профессоров и доцентов университетов и Общества кайзера Вильгельма были уволены 39 человека: 30 за то, что были евреями или женаты на еврейках, 26 из них эмигрировали, 9 человек были уволены по политическим причинам. Ни один из них не был репрессирован: *Deichmann, U., Møller-Hill, B. Biological Research at Universities and Kaiser Wilhelm Institutes in Nazi Germany // Science, Technology and National Socialism / M. Renneberg, M. Walker (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 162–163.*

использовал трагедию Вавилова для ускорения своей карьеры. Бесстрашная Н. А. Базилевич в марте 1941 г. написала письмо об огромном вкладе Вавилова в отечественное растениеводство и о его невиновности, отправив его в ЦК ВКП(б), Совнарком и НКВД. Но она не была одинокой в попытке спасти ученого. К сожалению, в очерке не сказано, что письмо было составлено ею вместе с группой коллег (Ковалевым, Розановой, Столетовой), которые просили власть освободить Вавилова как крупного ученого, организатора советской науки и патриота. Под письмом первоначально подписались девять человек, но, так как власть терпеть не могла коллективных ходатайств и из-за опасности ареста всех подписавшихся, окончательный вариант письма по общему согласию подписала только Базилевская.

С момента выхода в свет первого издания прошло 25 лет. Большинство его авторов уже нет в живых, а информации об их героях стало больше. Неизбежно пришлось дополнять прежние очерки о Букасове, Г. С. Зайцеве, Левитском, Мацкевич, Писареве, Попове, Флягсбергер, Чеснокове, Эмме. В одних случаях указано, что вновь появившиеся авторы дополнили существовавшие тексты, в других они указаны как соавторы, в третьих убран кто-то из прежних соавторов. Никаких объяснений на этот счет нет. Не продуман вопрос о том, как отделить прежний текст от нового в тех случаях, когда дополнения вносил уже другой автор. Наиболее удачно это сделано в очерке о Н. Р. Иванове, где Вишнякова свои добавления сделала в виде комментариев²⁸.

В целом подготовка книги потребовала напряженной работы огромного коллектива авторов, и выход ее в свет — важное событие в вавилововедении. Но, на мой взгляд, не стоило ее называть вторым изданием книги «Соратники Вавилова», выпущенной 25 лет тому назад ввиду серьезного изменения трактовки самого термина «соратники». Нет в живых инициаторов и большинства авторов прежнего издания, и неизвестно, как бы они отнеслись к подобному нововведению. Удачнее представляется подчеркнуто нейтральное название «Н. И. Вавилов и исследователи генофонда растений», которое сняло бы многие вопросы, возникшие при чтении этой интересной и, бесспорно, очень нужной книги, которая вводит в научный оборот большой массив архивных материалов и личных воспоминаний. Огромный интерес представляет попытка составителей представить мир вавиловцев более сложным и разнообразным. И следует всячески приветствовать их намерения продолжить эту работу, которая со временем могла бы стать основой для подготовки энциклопедии о великом ученом, который действительно является брендом отечественной науки.

Две другие книги посвящены той ветви санкт-петербургской генетической школы, которая была сконцентрирована в университете и олицетворяется именами Филипченко, Ф. Г. Добржанского, Я. Я. Луса, А. А. Прокофьевой-Бельговской, Карпеченко, Г. А. Левитского,

²⁸ Соратники Николая Ивановича Вавилова... С. 181–182.

И. А. Рапопорта, П. Г. Светлова, М. С. Навашина, М. Е. Лобашева, Мёллера, Ю. И. Полянского, П. Я. Шварцмана, Л. З. Кайданова и др. Многие из них, в первую очередь Филипченко, тесно сотрудничали с Вавиловым. Но главный упор в книгах, посвященных кафедре, сделан на верности ее основателя и его последователей единству университетских образовательных традиций и фундаментальной академической науке. В обеих книгах показано, что кафедра генетики и экспериментальной зоологии Петроградского университета, созданная в голодный 1919 г., сумела в короткий срок заявить о себе как о научно-исследовательском центре мирового значения. В дальнейшем ее деятельность всегда была тесно связана с именем Вавилова, ученики и сотрудники которого по совместительству трудились в 1930-х гг. в ЛГУ, а Карпеченко именно по его рекомендации создал и до ареста возглавлял здесь кафедру генетики растений. Вместе с ВИРОм кафедра преодолевала самые сложные перипетии в 1930–1960-е гг., ее воспитанники пополнили отряд исследователей генофонда растений не только в русскоязычном пространстве. Как и ВИР, кафедра оставалась все время в центре переживаемых отечественной наукой трагедий, оказывая воздействие на развитие мировой науки. Свой Институт генетики АН СССР Вавилов создал в 1934 г. на базе основанной Филипченко в 1930 г. Лаборатории генетики АН СССР, которая, в свою очередь, была продуктом трансформации ряда генетических учреждений под руководством Филипченко в рамках КЕПС.

Сам Филипченко стоял у истоков формирования современных эволюционных представлений о микро- и макроэволюции, а его ученик и друг Добржанский стал главным архитектором современного эволюционного синтеза, названного синтетической теорией эволюции (СТЭ) и до конца своих дней оставался общепризнанным лидером генетики и эволюционной теории во всем мире. Вавилов также участвовал в создании СТЭ и считается одним из ее главных архитекторов.

На протяжении ста лет не раз сменялись генетические парадигмы, стратегия исследовательского поиска, само название кафедры (сейчас — это кафедра генетики и биотехнологий), но в самые тяжелые времена ее сотрудники отстаивали нормы и ценности науки. И в этом они были верны этосу вавиловцев. Не случайно возрождение научной генетики в нашей стране после доминирования лысенкоизма началось именно на кафедре генетики и селекции Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова (ЛГУ) в 1955 г. генетиком растений М. С. Навашиным, работавшим под началом Вавилова в Институте генетики в 1937–1940 гг., и с успехом было продолжено в 1957 г. вернувшимся в ЛГУ М. Е. Лобашевым. По созданному им в 1963 г. учебнику с достижениями мировой генетики того времени знакомились не одно поколение в 1960–1980-х гг. Впоследствии не менее популярными в русскоязычном пространстве были учебники, написанные академиком С. Г. Инге-Вечтомовым, возглавлявшим кафедру генетики и биотехнологий более 40 лет.

Авторы двух книг попытались создать целостное представление о непростой истории кафедры. Ее 100-летний юбилей стал для них прежде всего поводом еще раз пристально всмотреться в прошлое, чтобы лучше понять настоящее. Как и в новом издании «Соратников Вавилова», авторы не были непосредственными участниками или свидетелями противостояния Вавилова и Лысенко и его трагического исхода. Только некоторые из них в начале научной карьеры успели застать заключительные этапы борьбы за генетику.

Авторы и редакторы обеих книг — профессиональные биологи, но хорошо известные историко-научному сообществу и, по существу, принадлежащие к нему. Важное отличие книги о Филипченко и его социальных сетях от предшествующих публикаций о нем заключается в том, что ее авторы И. А. Захаров-Гезехус и С. И. Фокин пытаются показать когнитивный, социокультурный и лично-психологический контекст, в котором формировались его личность, научные интересы и планы, а также шла их реализация. Как и в книге о соратниках Вавилова, данный замысел разворачивается в серии очерков о людях из наиболее близкого для него научного окружения. Среди них, конечно, особое место занимает выдающийся протозоолог и государственный деятель В. Т. Шевяков, имя которого относительно недавно снова заняло причитающееся ему место в истории отечественной науки в значительной степени благодаря одному из авторов книги Фокину²⁹. Особенности школы Филипченко в первые десятилетия ее существования освещены в подробных жизнеописаниях выдающихся зоологов и генетиков Добржанского, И. И. Соколова, Я. Я. Луса и А. В. Владимирского, внесших свой уникальный вклад в становление и развитие кафедры в 1920–1930-е гг., а также Д. М. Дьяконова и В. М. Исаева, ранняя смерть которых не позволила им реализовать незаурядный творческий потенциал.

Имя младшего брата Юрия Александровича — Александр Александровича Филипченко, — одного из главных создателей экологической школы паразитологии, также было надолго вычеркнуто из истории отечественной биологии и медицины. Он был одним из тех, кто боролся за свержение царизма, но, к несчастью, оказался и среди тех, кого революция в конечном счете уничтожила в 1938 г. Чудом избежал «карающего меча революции» сам Ю. А. Филипченко, переживший кратковременный арест 1 апреля 1919 г. и освобожденный только благодаря энергичному вмешательству М. Горького и РАН. Позднее, скорее, только скоростная смерть 19 мая 1930 г. «сберегла» его

²⁹ Фокин С. И., Завойская Н. Е. Владимир Тимофеевич Шевяков (1959–1930): изучение простейших Неаполитанского залива. История длиною в жизнь. Часть I. В Российской империи // Историко-биологические исследования (Studies in the History of Biology). 2016. Т. 8. № 1. С. 66–93; Фокин С. И., Завойская Н. Е. Владимир Тимофеевич Шевяков (1959–1930): изучение простейших Неаполитанского залива. История длиною в жизнь. Часть II. В Советской России // Историко-биологические исследования (Studies in the History of Biology). 2016. Т. 8. № 2. С. 25–52.

от эксцессов Культурной революции и диалектизации биологии, набравшей силу в Ленинграде под руководством Презента. Но последний, как и его жена Поташникова, успели покуражиться в 1930–1933 гг. над посмертно изданным трудом Филипченко «Экспериментальная зоология» и созданной им кафедрой, пока не были оттуда изгнаны. Приняли они активное участие и в репрессиях против университетских генетиков в 1940-х гг. Правда, при жизни Филипченко Презент и его супруга были сторонниками классической генетики, сотрудничали с Вавиловым. В судьбе многих героев очерка можно, как в микрокосме, увидеть социум не только ближайшего окружения Филипченко, но и всей страны, где не всегда понятно, кто и когда был прав, а кто виноват. И многое требует серьезных архивных исследований с привлечением фондов карательных ведомств и партийных органов, которые практически все еще закрыты для историков.

В книгу включены и материалы других авторов. Это прежде всего выписки из «дневника Глеба» (сына Филипченко), в которых профессор Филипченко описывает бытовые подробности жизни в Петрограде в период создания и становления кафедры, часть дневника Добржанского, который ученый вел во время экспедиции в Казахстан в 1926 г. В свое время не была опубликована заметка «Памяти Ю. А. Филипченко», написанная его учителем и коллегой – энтомологом М. Н. Римским-Корсаковым, а также очерк о А. П. Владимирском, написанный протозоологом Ю. И. Полянским, который после смерти Владимирского незадолго до войны заведовал кафедрой генетики животных. Сейчас обе рукописи оказались важными для реализации общего замысла книги.

Как и в книге о соратниках Вавилова, здесь сохраняется разнообразие стиля подачи информации, хотя причины тут иные, главы книги писались в разные времена. Но стилевое разнообразие несколько не мешает ее целостному восприятию. Все ее разделы насыщены фактами и событиями, а также архивным материалом, впервые вводимым в научный оборот. В то же время с некоторыми сентенциями в духе черно-белого мировоззрения перестроечного времени, в частности об особенностях русской и советской интеллигенции, согласиться трудно. После знакомства с архивными материалами 1920–1930-х гг. стоит быть более осторожным в суждениях о том, кто является подлинным российским интеллигентом, а кто нет. Из архивных материалов тех лет, а также опубликованных дневников и писем ясно, что в те годы хорошо понимали, что значительная часть вины за прошедшую трагедию лежит на самой интеллигенции, особенно той ее части, которая по разным причинам сперва участвовала в расшатывании государства, а затем сотрудничала с новой тоталитарной властью, чуждой ей по идеологии и этике. Конечно, они служили стране и народу, руководствуясь самыми благими намерениями, которые, как всем хорошо известно, ведут вопреки внутренним мотивам чаще всего в ад. В таком аду и оказались создатели генетики в Петрограде – Ленинграде.

Впрочем, и здесь авторы не скрывают сложных перипетий в биографиях многих героев, включая самого Филипченко и его брата, и дают их очень живые портреты. Все суждения авторов документально обоснованы. И очевидно, что разнообразие мнений в оценке столь противоречивых событий неизбежно.

К несколько иному жанру относится третья книга, подготовленная под редакцией академика и почетного профессора СПбГУ С. Г. Инге-Вечтомова, который более 40 лет заведовал кафедрой генетики и селекции в ЛГУ / СПбГУ. Возглавляемый им авторский коллектив попытался дать комплексный анализ как истории основанной Филипченко научной школы, так и ее современных исследований, объединяющих фундаментальную и прикладную генетику. В очерковой форме авторы рассказывают об основных этапах и главных направлениях развития старейшего генетического учреждения нашей страны, в истории которого были периоды блистательного подъема и не менее тяжелого лихолетья.

Особая ценность труда состоит в том, что комплексная систематизация научных направлений генетического научно-образовательного центра СПбГУ дается в контексте богатой традициями истории. Насыщенные последними научными достижениями главы здесь органически переплетаются с ретроспективными обзорами, иллюстрирующими становление и развитие генетики в Петербурге.

В первой главе «Ю. А. Филипченко – основатель первой в СССР кафедры генетики», написанной Инге-Вечтомовым, ярко рассказано о жизненном пути Филипченко и о быстром вхождении основанной им кафедры в мировую науку. Раскрывается содержание его пионерских работ по проблемам наследственности и изменчивости количественных признаков у пшениц, по наследованию таланта, породного состава скота и др. Освещены контакты Филипченко и сотрудников созданных им учреждений с лидерами мировой генетики: К. Бриджесом, У. Бэтсоном, Н. И. Вавиловым, Н. К. Кольцовым, Г. Мёллером, Т. Х. Морганом, Х. Федерлеем. Ученик и сотрудник Филипченко Добржанский, эмигрировав в США, сумел объединить традиции отечественного эволюционизма с передовыми направлениями генетики в США и стал одним из главных основателей СТЭ – дарвинизма середины XX в. Именно Добржанского во второй половине XX в. в англоязычном пространстве считали бесспорным лидером генетики и эволюционной теории.

Талант педагога и организатора науки обеспечили приток к Филипченко талантливой молодежи и позволили воспитать блестящую плеяду учеников, включая М. Л. Бельговского, А. А. Прокофьеву-Бельговскую, Ф. Г. Добржанского, И. И. Канаева, Ю. Я. Керкиса, Т. К. Лепина, Я. Я. Луса, Н. Н. Медведева, Ю. М. Оленова, Е. П. Раджабли, Р. А. Мазинга, Ю. Л. Горощенко и др., оставшихся верными на протяжении всей жизни и генетике, и учителю. Умение

навечно завоевывать сердца своих учеников было столь же присуще Филиппченко, как и Вавилову.

Последующие трагические события в жизни кафедры подробно рассмотрены в главе Инге-Вечтомова «М. Е. Лобашев и возрождение генетики в СССР». Автор описывает разгром сначала кафедры генетики растений в 1941 г., возглавлявшейся до его ареста Карпеченко, а в 1948 г. — кафедры генетики животных во главе со Светловым. Вместо них возникла кафедра генетики и селекции во главе с верным в то время лысенкоистом Н. В. Турбиным, который после августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. стал также деканом биолого-почвенного факультета вместо уволенного Лобашева. Тем не менее именно Турбин сыграл ключевую роль в изгнании из ЛГУ Презента, а вскоре публично выступил против одиозных суждений Лысенко о виде и видообразовании. По сути дела, Турбин инициировал возрождение генетики на факультете, предоставив возможность В. С. Федорову знакомить студентов с ее основами.

Подробно и ярко описана деятельность Лобашева, сыгравшего важную роль в возрождении генетики не только в ЛГУ, но и во всей стране. На мой взгляд, стоило бы сказать о том, что сотрудники двух генетических кафедр ЛГУ в предвоенные годы были в авангарде борьбы с лысенкоизмом и выступили с инициативой, поддержанной Ждановым, о проведении открытой дискуссии со сторонниками мичуринской биологии в редакции журнала «Под знаменем марксизма». И здесь они также выступали в тандеме с сотрудниками ВИРа. После ареста Карпеченко кафедру генетики растений несколько лет возглавляла Поташникова. Эти годы до сих пор выпадали из истории университетской генетики, и создавалось впечатление, что в годы войны кафедры генетики растений вообще не было. Этот пробел частично восполнен в книге, где сказано, что во время эвакуации в Саратов именно Поташникова одновременно возглавляла кафедры генетики и физиологии растений. Было бы интересно в будущем выяснить, вернулась ли она из эвакуации в Ленинград и при каких обстоятельствах состоялось избрание Турбина заведующим кафедрой генетики растений в 1945 г. Эти эпизоды, к сожалению, не освещены в главе «Генетика и селекция растений», написанной А. В. Войлоковым с соавторами. Предыстории университетской молекулярной генетики посвящена глава Инге-Вечтомова, который рассматривает первые шаги лаборатории генетики микроорганизмов, созданной И. А. Захаровым. Вместе с ним работали сам Инге-Вечтомов, а также К. В. Квитко, Б. В. Симаров, Т. Р. Сойдла и др.

Большое историко-научное значение имеют главы, посвященные развитию различных направлений генетики с 1960-х гг. вплоть до наших дней: «Генная и клеточная инженерия — путь для познания молекулярно-генетических механизмов развития растений и практического их использования», «Экологическая генетика как воплощение системного подхода: принцип дополнительности», «Системный

контроль генетических процессов: от идеи до экспериментальных доказательств», «Развитие представлений о влиянии нервной системы на генетические процессы», «Связь отбора и изменчивости: доказательство от противного», «Лаборатория генетики микроорганизмов на кафедре генетики и селекции Санкт-Петербургского (Ленинградского) университета», «Генетический контроль терминации трансляции у эукариот». Все эти разделы построены на результатах оригинальных исторических исследований и имеют огромное значение для понимания развития истории отечественной генетики и ее соответствия исследованиям во всем мире. Они свидетельствуют о громадных достижениях кафедры за последние полвека. В будущее устремлены и главы «Кафедра генетики СПбГУ и становление концепции белковой наследственности» и «От биохимической генетики к молекулярной биотехнологии». Польза преодоления межведомственных барьеров и сотрудничества кафедры с медициной хорошо показана в главе «Наука и практика – едины».

Ценность книги состоит в том, что комплексная систематизация научных направлений генетического научно-образовательного центра СПбГУ дана с учетом его апробированных столетием традиций. Практически в каждой главе последние научные достижения органически переплетаются с ретроспективными обзорами, иллюстрирующими становление и развитие генетики в Санкт-Петербурге. И здесь главы включают личные воспоминания авторов, что позволяет погрузиться в атмосферу прошлого, лучше осознать социокультурный контекст прошлых событий и ощутить личностное обаяние ученых, обеспечивавших поступательное развитие школы в течение столетия. Тем самым книга полезна не только специалистам, но и читателям, не имеющим к генетике прямого отношения, но интересующимся отечественной историей и судьбами выдающихся ученых.

Особое практическое значение книга имеет как наглядное свидетельство необходимости единого решения исследовательских и образовательных задач, при котором потенциал развития научной школы мирового масштаба обеспечивался прежде всего за счет тесного взаимодействия учебной кафедры с академическими институтами. Здесь каждое звено вносило уникальный вклад в прогресс школы, воспитавшей столь значительное число выдающихся специалистов, в том числе и сейчас возглавляющих научные коллективы в разных странах.

В целом все три книги, посвященные юбилейным датам в истории Санкт-Петербургской генетики, хорошо отражают всю противоречивость современных историко-научных трудов, посвященных отечественной биологии. Новое поколение генетиков и селекционеров не было прямо вовлечено в разыгравшиеся более полувека назад трагедии. Но их суждения и оценки неизбежно формировались под влиянием учителей, многие из которых находились по разные стороны непримиримых тогда фронтов, в том числе и среди сторонников Лысенко. Неизбежно у их близких и последователей, знавших их как

обаятельных людей, а иногда и как хороших специалистов по отдельным культурам, возникает соблазн ретушировать некоторые моменты их биографии.

И здесь неизбежно возникают коллизии. С одной стороны, все признают, что мичуринская биология оказалась несостоятельной, а попытки оправдать лысенковщину неприемлемы. Но, с другой стороны, ее многолетнее господство в СССР не прошло бесследно для некоторых генетиков и селекционеров, которые шли на компромиссы, порой публично отказываясь от воззрений своих учителей. Несмотря на заявления об изживании черно-белого изображения событий прошлого в научном сообществе, такой подход продолжает жить, порождая существенные разногласия в оценке результатов исследований и поведения учеников и последователей Вавилова и Филипченко, особенно тех, кто благополучно пережил те времена. С этими разногласиями нам придется жить, видимо, еще долго. И в этом нет ничего страшного. Главное, не заменять черно-белое изображение одноцветным, в котором якобы все вели себя одинаково безнравственно, апеллируя к властям в борьбе с конкурентами ради финансирования и продвижения сугубо эгоистических интересов. Нельзя полностью уравнивать жертв и их палачей или превращать убежденных лысенкоистов в соратников генетиков, репрессированных не без их участия.

Все три книги вносят существенный вклад в познание новейшей истории отечественной биологии. Они позволяют лучше оценить истоки современных генетических исследований. В них размещены сотни фотографий, что позволяет представить в образах столетнюю историю генетики и селекции в Петрограде – Ленинграде – Санкт-Петербурге. Они наглядно демонстрируют не только как прошлое полезно для настоящего, но и как важно знать настоящее для понимания прошлого. Высокий профессиональный уровень авторов в области генетики или селекции сделал эти книги особенно интересными для историков науки. В то же время они показывают, как трудно дается переход к объективному и непредвзятому отражению трагических событий и их героев ввиду их сложности и многоаспектности. Оценки и суждения предшествующих поколений продолжают воздействовать на нынешних авторов, в сердца которых по-прежнему стучит «пепел Клааса».